

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35278

О «СЛОВАРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА АНАТОЛИЯ-КАВКАЗ-ИРАН»

Е. Б. Бесолова

В статье актуализируется необходимость создания «Словаря лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия-Кавказ-Иран», возможного благодаря накопленному к настоящему времени языковому и этнографическому материалу, отражающему многовековые этнические и лингвистические контакты означенного ареала. Лексикон подтвердил бы прозорливость В. И. Абаева, по мнению которого в означенном регионе при всем языковом разнообразии существовала единая кавказская этническая культура. Несмотря на то, что по каждой из языковых семей ареала имеется множество работ генетического, типологического и ареального характера, систематизация выявленных в течение XIX – начале XXI в. иранско-кавказских сходных элементов может практически подтвердить значение так называемых контактных зон; определить направление заимствования, время, место и реальный исторический и этнокультурный фон; внести ясность в сравнительно-сопоставительное изучение заимствований сходного субстрата в языках ареала; обосновать новую типологию, обусловленную взаимопроникновением отправных систем. Предлагаемый обзор исследований открывает еще одну страницу в изучении раннесредневековой истории этноязыковых контактов языкового ареала Анатолия-Кавказ-Иран.

Ключевые слова: осетинский язык, кавказские языки, лексическая общность, армянский язык, иранистика, турецкий язык, языковой ареал, контактные зоны, межъязыковой атлас, изоглосса, словарь схождения.

Ареальные отложения в языке предполагают, как известно, этнические контакты, объясняющие пространственное распространение в результате территориальных сношений языковых фактов и явлений. Образовавшиеся лексические единицы языка в итоге взаимного влияния самих языков обусловлены культурами, стоящими за ними, и исследование их семантики и этимологии зачастую дает нам почву для размышлений об особенностях схождения, в частности, межкавказских, как в материальной культуре, так и в обрядах, обычаях, нравах, в быту, фольклоре и религиозных

воззрениях. Теория ареальной лингвистики В. И. Абаева направлена на изучение сходных явлений изоглоссов, возникающих между языками определенного ареала в результате длительного соседства и контактного развития. Например, в связи с Кавказом исследователь пишет: «Здесь с давних пор взаимодействуют языки разного происхождения, разной типологии, разного уровня культурного и социального развития. <...> какое богатство и разнообразие тем таит в себе кавказский материал по проблеме языковых контактов» [1, 289]. По мнению ученого, они «очень мно-

гочисленны и древни», и среди них «выделяются своим полновесным культурным содержанием» три группы слов: «1) названия культурных растений и домашних животных; 2) термины материальной культуры; 3) термины социального порядка» [1, 287-293]. Приводимые Абаевым изоглоссы захватывают несколько различных языков [1, 287-293].

Исходя из сказанного, мы считаем нужным привлечь внимание языковедов к необходимости создания «Словаря лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия-Кавказ-Иран» на основе накопленного к настоящему времени языкового, этнографического, исторического и археологического материала, отражающего лингвистические и этнические контакты. Подобный словарь подтвердил бы давно известное этнологам и историкам материальной культуры понятие, что при всей языковой раздробленности существует *«единая кавказская этническая культура; <...> такая работа позволила бы уловить дух и существенные черты этой культуры»* (курсив наш. – Е. Б.) [2, 89].

В связи с этим возникает необходимость в предварительном обобщенном труде «Сравнительная лексикология кавказских языков» [2, 89; 3, 349], призванном описать все выявленные межкавказские схождения в области лексики с составлением «Карты лексических изоглосс этнокультурного ареала Анатолия-Иран-Кавказ».

При работе над темой мы руководствовались наблюдением Г.А. Климова, по мнению которого «проблема ареальных взаимоотношений кавказских языков <...> по сей день остается наименее разработанной, исходя из определения ареальной лингвистики как самостоятельного аспекта трактовки структурных и материальных сходств между языками, возникающими на базе конвергентных процессов в условиях языкового контактирования в определенной зоне. <...> весьма пересеченный языковой ландшафт кавказского ареала, нередко далеко не со-

впадающий в своих изоглоссах с распределением его характеристик, обусловленных генетическим или типологическим фактором, безусловно, заслуживает стать предметом самостоятельного рассмотрения как методом картографирования, так и другими средствами ареальной лингвистики» [4, 200-201]. Но, предостерегают нас, изучение лексических общностей «... наталкивается на большие трудности, чем изучение их сходств на других языковых уровнях, поскольку общие или просто похожие слова легко привлекают к себе внимание..., однако интерпретация их истории допускает большой диапазон возможностей и зачастую вызывает споры (в том числе и специалистов)» [5, 142].

Трудность, по мнению Д.И. Эдельман, кроется в неоднозначности их определения. С одной стороны, они могут быть «действительно генетически общими (т.е. общими архаизмами, или общими инновациями), но могут быть и заимствованными – непосредственно или через язык-посредник, могут создаваться параллельно по сходным моделям из единого индоевропейского корня и единых словообразующих элементов, могут иметь сходные семантические сдвиги и т.д., но могут, наконец, быть и результатом простого совпадения» [5, 142]. С другой стороны, они могут быть вызваны подвижностью лексики как языкового уровня, что является непреодолимым препятствием для выявления направления многих заимствований и формирования *определенных* лексических пластов, общих для двух или более языков или языковых групп, обусловленных длительностью и значением ирано-кавказских контактов, влиянием ираноязычных языков на материальную культуру, идеологию, религиозную, социальную и другие сферы жизни кавказцев.

Материалом для работы послужат как опубликованные труды отечественных и зарубежных лингвистов, так и лексикографические издания по языкам ареала Анатолия-Иран-Кавказ, их интерпретация в ге-

нетическом, типологическом и ареальном аспектах.

В данной статье обзорного характера эксплицированы способы и методы взаимовлияния языка и культуры, а также воплощение лексических общностей в иранских и кавказских языках.

Данные археологических материалов, исторической этнографии и фольклора свидетельствуют о том, что Центральный Кавказ являлся издревле местом пересечения миграционных потоков различных племен. Еще в III тыс. до н.э. на этой территории, наравне с множеством кавказских этнических групп, жили племена, говорившие на индоевропейских языках. Но уже в первой пол. II тыс. до н.э. иранцы, оставшиеся на Кавказе, сливаются с индоиранцами, занимавшими территорию Передней Азии, включая Кавказские горы, что подтверждается данными лингвистического материала.

Эти племена из Передней Азии передвигались в сторону востока и запада, оставляя на прежних местах обитания немалое число соплеменников, продолжавших развивать свою культуру и сохранять этническую индивидуальность даже при условии слияния с соседними племенами [7, 914-934].

В эту пору на территории Северного Кавказа возникает и развивается катакомбная культура, создателями которой специалисты почти единодушно признают племена, говорившие на иранском языке; они же считаются и создателями срубной культуры [8, 4]. И киммерийцы, обитавшие на Кавказе и Северном Причерноморье в конце II и начале I тыс. до н.э., и скифы, проживавшие с конца VIII в. до н.э. в Крыму и Предкавказье, были ираноязычными. Подтверждается это свидетельствами культуры от Еревана, Мцхеты до Сухума, а также на северном и южном склонах Центрального Кавказа [8, 5].

Скифы в VII веке до н.э. уходят через Кавказ в Переднюю Азию и господствуют там в течение 28 лет, значительно повлияв

на судьбы почти всех местных народов и государств [9, 17]. Около 625 г. до н.э. часть скифов возвращается на Кавказ, другая же уходит в Среднюю Азию.

Археологические материалы и письменные источники локализуют на территории Закавказья в VII в. до н.э. первое Скифское царство (Сакасена, район Казах-Ганджа). С V в. до н.э. там, где обитали скифы, оседают савроматы, а с IV в. до н.э. – сарматы. От этих *ираноязычных* скифо-сарматских племен постепенно стали отделяться аорсы, сираки, роксоланы, аланы. Именно аланский племенной союз на территории Центрального Кавказа с I в. н.э. принимал активное участие в жизни других ираноязычных племен, проживавших в регионе Северного Кавказа и Закавказья. Аланы продолжили бытовые и военные традиции древних иранцев, скифов и сарматов.

Таким образом, заключает Б.В. Техов, «в течение тысячелетий не было такого периода времени, когда бы на территории Кавказа, особенно в его Центральной части, не обитали племена индоевропейцев и иранцев, носители ираноязычной традиции.

Шли миграционные процессы, кочевой образ жизни заставлял многие племена уходить с насиженных мест обитания, но на территории Центрального Кавказа всегда оставались группы ираноязычных племен, которые в той или иной мере сохраняли свои этнические свойства, продолжая былые традиции, свою материальную и духовную культуру» [8, 8].

Переселившиеся на новое место и их потомки сохраняли прежние отличительные свойства, но, оказавшись в другой географической среде, осваивали и новые, не свойственные им, качества. Об этом убедительно свидетельствуют связи, восходящие к древним ираноязычным обитателям Кавказа, что подтверждается множеством археологических, этнографических и фольклорных параллелей в осетинском и во всем индоиранском мире.

Со временем индоиранцы, значительная часть которых уже обитала в ареале

Центрального Кавказа, оказались в окружении кавказских этнических групп. Многие черты культуры и языка индоиранцев, в особенности лексики, были восприняты соседями-кавказцами. Но и они сами многое усвоили от соседей. Такое этнокультурное взаимовлияние учеными признается как вполне закономерное явление в так называемых контактных зонах.

Древние иранцы, обосновавшиеся на Кавказе, в процессе тысячелетних контактов с кавказским окружением в сфере материальной и духовной культуры, постепенно «окавказились», навеки закрепившись в Центральной части Кавказа. Они свой язык и самобытную духовную культуру, культурные традиции и накопленный опыт на протяжении тысячелетий передавали из поколения в поколение, обогащая кавказскую цивилизацию древнейшими яркими и самобытными памятниками материальной и духовной культуры [10].

Аланские племена, выделившись из сарматского племенного объединения и обосновавшись на территории Центрального Кавказа, консолидировались с родственными им по языку и культурной традиции древними ираноязычными племенами, жившими здесь в течение многих веков. Что же касается их быстрой этнической «адаптации», их слиянию в один этнос, то этому, естественно, способствовало этническое, культурное и языковое родство.

Итак, осетины формировались на Кавказе, они являются одним из древнейших его народов. В.Ф. Миллер подтверждает это сообщением, что грузины помнят о соседях-осах с тех пор, как начали помнить самих себя [11, 522].

Данный историко-археологический экскурс предпринят нами для того, чтобы выявить пути проникновения и место иранских элементов в языках народов, населяющих ареал «Анатолия-Иран-Кавказ», определить значение ареальных контактов в истории языка для воссоздания подлинной и антропоцентрической истории языков ареала, показать общность и отличие

путей исторического развития народов Кавказа.

Об ирано-кавказских лингвистических отношениях

Осетинский язык на Центральном Кавказе остался верен иранской ветви: индоевропейская языковая традиция развивалась, обогащалась и видоизменялась по своим внутренним законам на протяжении тысячелетий непрерывно, из поколения в поколение. Сохранившись до наших дней, она сберегла историческую перспективу развития и функционирования.

В лексике осетинского языка представлены общие для всех древних индоевропейских языков родственные названия домашних и диких животных, термины обозначения родства людей, названия частей человеческого тела, космических тел и явлений природы, обозначения пола, величины, цвета, наименования числительных, местоимений, жизненно важных глаголов, прилагательных и др. [12, 194]. Однако в ней обнаруживаются и многочисленные элементы кавказских языков, как и элементы иранского происхождения в лексике грузинского, армянского и северокавказских языков, свидетельствуя о том, что «...все народы Кавказа, не только непосредственно соседящие друг с другом, но и более отдаленные, связаны между собой сложными и прихотливыми нитями языковых и культурных связей» [2, 89].

Наиболее убедительные свидетельства в пользу существования в глубокой древности единой кавказской этнической культуры дало бы, на наш взгляд, составление «Межъязыкового атласа северокавказского этнокультурного ареала». Он должен охватить территории Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и Дагестана. Этот Атлас в идеале со временем может быть превращен в «Межъязыковой атлас кавказского этнокультурного ареала» с охватом территорий Абхазской Республики, Южной Осетии, Грузии, Армении, что явится качественно

новым этапом в изучении проблемы межкавказского лексического фонда.

Картографированный и комментированный материал послужил бы ценнейшей базой для дальнейшего углубленного исследования проблемы. Тем более что процесс глобализации выдвигает тезис: «...любой язык любого народа составляет один из основных элементов национальной культуры, имеет свои особенности, свои такие способы для выражения человеческой мысли, которых в другом языке нет, и чем больше словарный запас, тем язык богаче, тем больше возможностей в нем для выражения человеческой мысли» [14, 4].

Научный задел по теме составят изыскания отечественных и зарубежных ученых, в которых определяются роль и значение ареальных контактов для истории языка; рассматриваются различные стороны взаимодействия языков, языков и диалектов, взаимосвязи и специфика влияния ирано-грузинских, ирано-армянских, ирано-адыгских, ирано-нахских, ирано-дагестанских культурных и лингвистических отношений.

Нами осуществлен обзор части лингвистических работ по означенной теме с тем, чтобы наглядно показать наличие значительного фонда общих лексических единиц, охватывающих различные тематические группы, и подтвердить этим возможность создания давно назревшего лексикона.

Большая работа проделана М.К. Андроникашвили, изучившей древнегрузинские литературные памятники с V по XVI-XVII вв. на предмет выявления в них иранизмов. Обнаруживается, что иранский лексический материал, усвоенный общекартвельским языком еще до его распада, составляет органическую часть грузинского языка, входя в основное ядро его лексики [13, 69-89].

Ученый разъясняет, в чем сложность определения иранских элементов, приводит обоснования, почему это стало возможным лишь в результате развития сравнительной картвелологии, структурного

анализа слова и фонематической структуры грузинского языка и благодаря трудам А. Чикобава, В. Топурия, Г. Ахвледиани, С. Жгенти, Г. Фогта и др.

По мнению Андроникашвили, процессу также способствовали значительные успехи, достигнутые в области историко-этимологического изучения осетинского языка во второй пол. XX в. К примеру, В.И. Абаев описал тот корпус слов, который был усвоен грузинским языком из алаано-осетинской среды [15; 16]. Г.С. Ахвледиани выявляет в этом корпусе как отдельные лексические элементы, так и осетинско-грузинские схождения структурного и семантического свойства [17, 107; 18].

Андроникашвили обнаруживает в самых древних пластах грузинского языка ряд глагольных основ, фонетически и семантически совпадающих с соответствующими алаано-осетинскими глагольными формами, именными образования и другие части речи, которые увязываются с алаано-осетинскими формами [13, 70-75].

Очевидный интерес представляет описание и анализ алаано-осетинских элементов в грузинском (к прим., груз. *avazan-i* «водохранилище, бассейн», арм. *avazan* с тем же значением < осет. *avazun*; груз. *a-vazak-i* «разбойник, грабитель», арм. *avazak* < осет. *vazæg* «прохожий, гость»; и др.). Эти элементы имеют параллели и в армянском языке, в котором «в большинстве случаев считаются словами неизвестного происхождения» [13, 5-77]. Приводится грузинский именник алаано-осетинского происхождения, бытующий в языке грузин с древнейших времен, в котором подчеркивается, что носителями слов являлись не только сами овсы, но и грузины [13, 7-80].

Андроникашвили обнаружены также многочисленные иранские элементы среднеиранского и парфянского происхождения в древнегрузинских литературных памятниках – это «различные категории слов: культовые термины; большое количество личных и географических имен, обиходных глагольных основ, существительных,

прилагательных и других частей речи» [13, 80-81].

Иранские основы в грузинском языке образуют особые лексические группы слов, связанных фонетически и семантически, причем ряд слов из этих лексических групп оформлен с помощью грузинских словообразующих аффиксов. Другая их часть заимствована из иранского языка в виде производных форм: лексические группы с иранской основой «1. *mar-* ‘замечать, наблюдать, считать’ <...> 2. *part/p'ard* со значением ‘выкуп, плата, долг’ <...> 3. *gar/zar* ‘петь, хвалить’ <...> 4. *vars* ‘волосы на голове’ <...> [13, 80-81].

Андроникашвили приводит примеры оформления иранских основ грузинскими словообразовательными аффиксами, глагольных основ, скрытых под множеством грузинских префиксов, суффиксов и глагольных приставок, что меняет их до неузнаваемости, а также процессы метаанализа и аналогии. Автор считает, что «распознавание иранских элементов осложняется фонетической спецификой грузинского консонантизма, затрудняющей установление определенной закономерности при передаче иранских звуков» [13, 84].

В связи с оформлением иранских основ в грузинском языке нас заинтересовала проблема проникновения в него иранских элементов через посредство армянского языка.

Вопрос о роли армянского языка в изучении среднеиранской парфянской лексики хорошо освещен, но менее исследованы общие лексические элементы, присутствующие в древнеармянских и древнегрузинских текстах, а также этимология общих армяно-грузинских лексических элементов и др.

Если учесть, что армянский и грузинский языки объединяет много общих черт, особенно в фонетическом строе, то можно понять, почему заимствованные слова в большинстве случаев дают одинаковые эквиваленты в обоих языках.

При определении пути заимствования Андроникашвили советует не терять из

виду имеющиеся различия в фонетической структуре обоих языков. По ее мнению, если «иранское слово в грузинском носит следы армянской фонетической специфики <...> иран. *f* – особенно перед *r* – в армянском дает *h*, в то время, как грузинским эквивалентом для иран. *f* является придыхательный губной *p'*...», то это заимствование из армянского, а не из иранского языка [13, 85].

Большая часть лексических элементов, вошедших из грузинского языка в осетинский, относится к более поздней эпохе, которая отличается культурным преимуществом грузинского. С другой стороны, значительная часть алано-осетинских слов причисляется к диалектной (рачинский, мохевский и хевсурский говоры, которые до известных событий имели локальные контакты с осетинским населением) и периферийной лексике. Засвидетельствованные в древнегрузинских памятниках данные грузинского языка в виде заимствований из алано-осетинского имеют значимость в аспекте изучения исторической фонетики скифо-сарматского и аланского языков.

Заметим, что исследования М.К. Андроникашвили ощутимо дополнили и расширили материал, который был известен к тому времени по работам двух корифеев – В.И. Абаева и Г.С. Ахвледиани. Выборка иранизмов из литературных древнегрузинских памятников, а также данные по новоиранской лексике в грузинском языке, собранные и обработанные Мзией Константиновой, могут лечь в основу «Словаря лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия-Кавказ-Иран».

На наш взгляд, давно назрела проблема стратификации лексического фонда кавказских языков на предмет наличия лексических общностей иранских (осетинского) и нахско-дагестанских языков, обусловленных историей и этнокультурой носителей этих языков. Кавказизмы иранского происхождения с присущими им лексико-семантическими и фонетическими особенностями

ми подлежат объединению в тематические и лексико-семантические группы с обоснованием произошедших в конкретном языке изменений в их значениях. Не исключаем возможности того, что кавказизмы иранского происхождения в языке-источнике производны от более древнего корня и обладают значительным комплексом этимологических связей. Бывают случаи, когда слово широко и глубоко вырастает в разные языки, а экстралингвистические данные могут быть истолкованы неоднозначно, тогда лингвистическая характеристика может указать на направление заимствования. Так, древнейший социальный термин *pādšāh* «падишах», «шах» <перс. *pādšāh* <др. перс. **pātixšāyaθiya*, – пример удачного включения иранского мира в кавказские языки.

В осетинском языке встречается термин в значениях «царь», «шах», «король» – *паддзах*; а также *ус-паддзах* – «правлящая царица» (букв. «женщина-царь»); производные – *паддзахад* – «царство», «государство» [16, II. 235]; *паддзах* – «император», «государь», *паддзахад* – «держава», «империя» [19, 233].

Термин издревле прочно укоренился во многих языках Кавказа; ср. авар. *рацаһ*, агул. *patčah*, табас. *расаһ*, анд. *расаһ*, чеч. *раццәһ*, каб. *padšah*; чечен. и ингуш. языках *паччахь* – в знач. «царь, король, государь, падишах»; в лак. *паччягьлугъ* ~ *паччягьлугъ*, авар. *пачалихъ* ~ *пачилих*, лезг. *пачагьлугъ*, таб. *паччагьлугъ* «государство, держава; страна, край» [20, 62, 214; 21, 506]. Но Н. С. Джигдалаев считает, что если бы лексема *паччягьлугъ* была бы образована на собственно лакской почве, то указанная форма выступала бы в значении «поступок, присущий царю», «царщина», а не «царизм» в значении «государство» [22, 151].

Производные формы – авар. *пачалихъ* ~ *пачалих*, дарг. *пачалихъ* «государство», «нация», по мнению части ученых, являются «очевидными заимствованиями из кумыкского языка» [22, 151]. Они мотивируют тем, что в слове *пачалыкъ* в значении

«государство» выделяются *пача* «царь» и суффикс кумыкского языка *-лыкъ*.

Но тюркский (кумыкский) словообразовательный суффикс *-лыкъ* как самостоятельная единица не известен авар. и дарг. языкам, потому что все формы с *-лыкъ* в них являются, по утверждению некоторых ученых, непосредственными заимствованиями: к примеру, собственно авар. форма *пачалъи* «царство» < *пача* + авар. словообразовательный суф. *-лъи*; сюда же относят чеченский термин *пачгьалхъ* (< *пачагьлукъ*) «государство» [21, 506].

Лезг. *пачагьлугъ*, таб. *паччагьлугъ* «государство» считаются заимствованиями из азерб. *падшагьлыг* «царствование; период царизма; царство», где наблюдается звукоизменение комплекса *-ди-* (>*-ти-*) > *-ч-*. Уже в современном лак., лезг. и таб. языках заимствованный азерб. суффикс *-лугъ* функционирует, по мнению одних ученых, как самостоятельное словообразовательное средство [23, 559], другие же считают, что большинство форм с суффиксом *-лугъ* в означенных языках – прямые заимствования из азерб. языка [24, 214].

Рассматриваемый многозначный термин в дагестанских языках пытаются объяснить и как результат его самостоятельного функционирования в новой языковой среде; см. в азерб. языке в значении «государство», «держава» – *дöвлät* (< араб.), «государство», «страна» – *ölkä*, *mämläkät* (< араб.-перс.), «край» – *ölkä*. Наблюдения лингвистов выявили, что эти термины, за исключением слова *mämläkät*, представлены и в дагестанских языках, но с определенной стилистической окраской, в то время как термины *пачалих*, *паччягьлугъ* стилистически нейтральны [22, 151].

Как видим, социальный термин *паддзах* из нов.перс. *padšāh* (<др.перс. **pātixšāyaθiya*–) является ярким свидетельством истории народов и разновременных языковых контактов. За время своего существования он дал почти во всех кавказских языках древнейшие образования с иранской основой. Распространение и диффе-

ренцирование последующих и вторичных значений рассматриваемого социального термина произошло со временем, локально и самостоятельно, как, впрочем, и со всеми заимствованиями.

Особого внимания требует определение не только направления заимствования, но времени, места и «реального исторического и этнокультурного фона». К примеру, Г. А. Климов обнаружил в сванской ветви картвельских языков 34 аланизма из области хозяйствования, материальной культуры, наименований животного и растительного мира, которые примыкают к формам дигорского диалекта осетинского языка [25, 183]. Они являются убедительным свидетельством прошлых контактов сванов с носителями данного диалекта.

Аланизмы в мегрельском, по мнению ученых, представляют собой «прямые осетинизмы в дигорском их варианте» и считаются различными свидетельствами тесных общений картвелоязычных племен со скифо-сармато-аланами – предками осетин [26, 32-39].

Осетинско-вайнахские языковые параллели фиксировались в свое время Ю. Клапротом, А. Шифнером, Г. Хюбшманом, А. Миллером, А. Генко и др., но, к сожалению, эти изыскания не выходили за рамки описания более или менее случайных отдельных лексических схождений, отмечаемых без какой-либо культурно-исторической интерпретации.

Абаев публикует 216 осетинско-чеченских лексических схождений, из которых большинство относится к сфере материальной культуры и хозяйствования. В статье выводятся осетинско-чеченские звуковые соответствия; обосновывается семантическая и идеосемантическая характеристика осетинско-чеченских лексических отношений [27, 89-119]. По мнению автора, «ряд лексических схождений ведет от чеченского прямо к осетинскому, минуя ингушский. Некоторые из этих схождений связывают чеченский с западным дигорским диалектом осетинского языка, минуя

иронский. Эти схождения отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей», – таково заключение ученого [27, 105сл.].

Таким образом, обнаружены около 60 осетинско-общевайнахских, 350 осетинско-чеченских и 350 осетинско-ингушских схождений и примерно 25 осетинско-бацбийских параллелей [16, V, 347-357]. Как видим, языковые факты ясно свидетельствуют о тесных культурно-языковых связях между осетинами и вайнахскими племенами и указывают на их большую древность и глубину.

Наше внимание привлекло наблюдение классика иранистики Д. И. Эдельмана по поводу лексических заимствований при контактах в древности родственных языков. Возможны, по ее мнению, «не только лексические заимствования как таковые, но и видоизменение исконных слов в фонетическом или семантическом аспекте под воздействием другого языка и т.п. В результате некоторые общие слова трактуются различными исследователями по-разному: как исконно родственные или как заимствованные, причем с указаниями на различные источники (или посредников) заимствования» [5, 142].

Судьбу осетинского языка в анализируемый период определяют связи с кавказоязычными и тюркоязычными языками. Это проявляется и в типологической, и в материальной стороне осетинского языка, в его «смешанной, иранско-кавказской природе», а также в том, что «общие элементы у осетинского с окружающими кавказскими языками ни в коем случае не покрываются термином «заимствование» [2, 111].

Означенный в статье ареал многоязычен; кавказские элементы присутствуют не только на периферии, но и в глубинных слоях осетинского языка, и в мироощущении его носителей, что проявляется в семантике и морфологии языка. Для определения означенных элементов при сравнении обращать внимание следует не только на сходство их форм и семантики, но и на

географию и время их распространения в иранском (и кавказском) мире, а также на их место в системе языка и этимологические связи, – рекомендует Эдельман [5, 53].

Автор монографии «Адыгские элементы в осетинском языке» Б.Х. Балкаров на большом лексическом материале раскрывает соседство и культурное общение осетин и адыгов, которое продолжается в.ми. Он доказывает, что в кавказском субстрате осетинского языка адыгские элементы занимают особое положение своей глубокой интимностью и большим масштабом, пронизывают все стороны языка, образуя особый пласт, который органически входит в живую ткань осетинского языка, составляя грамматически единое и целое [28].

В другой работе Балкарова подняты актуальные проблемы, связанные со спецификой и объемом взаимодействия неродственных языков. Автор приходит к мысли, что все зависит от характера контактов между ними; в одних случаях он ведет к сдвигам в их формах и структурах, а в других – к полной их перестройке [29].

Взаимоотношения между осетинским и адыгскими языками охватывают все уровни языка, имеют более сложный, чем при маргинальном контактировании, характер. Лексический пласт в осетинском слове, восходящий к адыгскому источнику, объем: он включает термины и слова, выражающие различные социальные и природные понятия; в нем наличествуют и глаголы, которые обычно не заимствуются. Замечено также, что адыгские слова в чужой иранской среде живут полнокровной жизнью. Они сохранили полисемию, приобрели новые значения, вошли в паремию осетинского языка; пополнили набор словесных моделей; появилось структурное сходство ряда осетинских и адыгских слов, особенно сложных, а также единство образной основы и мн. др. В осетинском языке сосуществуют наряду с заимствованными словами аналогичные исконные лексемы. Симбиоз достигается благодаря разделению семантического поля между ними

и делению сфер между словами в области словообразования и др.

Действительно, адыгско-осетинские языковые отношения давние, носят глубокий характер, что отмечает и проф. К.В. Ломтатидзе в статье «К истории свистяще-шипящих сибилантов в протоадыгском». Анализируя примечательные факты из адыго-осетинских языковых взаимоотношений, автор заключает: «Поскольку контакты осетин и адыгов относятся к эпохе большой давности, осетинский язык сохранил нам факты, относящиеся к протоадыгской эпохе» [30].

О неравномерности распределения осетинских заимствований в адыгских языках пишет и А.К. Шагиров в «Очерках по сравнительной лексикологии адыгских языков» [31]. Часть осетинских слов, замечает он, представлена в речи кабардинцев, живущих по соседству с осетинами; а слова, отсутствующие в адыгском языке, встречаются среди осетинских, имеющих распространение в кабардинском языке; большинство осетинских слов, заимствованных адыгскими языками, из сферы материальной культуры и быта [31, 190-191].

Интересен тот факт, что значительное количество географических названий на территории Осетии легко толкуется соседними кавказскими языками. Это является свидетельством и результатом длительных и интенсивных связей в области хозяйства, быта, материальной и культурной жизни осетинского народа с окружающими кавказскими народами. Например, на территории Северной Осетии более 120 географических названий объясняются адыгскими, вайнахскими и картвельскими языками. Наблюдение в пользу того, что взаимоотношение этих языков и осетинского (аланского) представляется скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, чем взаимовлиянием [32, 125]. И наоборот: ряд топонимов и гидронимов с интересной осетинской этимологией встречается на территории Кабарды [33], Чечни и Ингушетии [34].

В статье «Еще несколько дагестанских аланизмов» К. Ш. Микаилов продолжает начатый В. И. Абаевым список слов, проникших из осетинского языка в некоторые дагестанские. Автор дает пять весьма убедительных этимологий, указывая при этом, что семантика и фонетический облик анализируемых им слов, равно как и сопровождающий культурно-исторический фон, наводят на мысль об их заимствовании непосредственно из осетинского языка [35, 333].

Осетинские имена у аварцев зафиксировал Т. Айтберов. Их наличие в аварском именнике ученый мотивирует тесными и длительными контактами аварцев Сарира с населением аланского государства Маскут, располагавшегося к югу от Дербента. Длительное и близкое соприкосновение с предками осетин отразилось не только в именнике, но и в языке и культуре аварцев. Дагестанские арабоязычные письменные источники сохранили осетинские имена аварцев XIV-XVII вв. Проиллюстрируем примерами: *Сиртан* < осет. *Сырдон*; *Андунник* < осет. *æндон* «сталь»; *Урузмак* < осет. *Урызмаг* и др. [36, 51].

О древних непосредственных контактах цахуров с аланами, благоприятных предпосылок для обширного проникновения иранской лексики в их язык повествуется в статье «О цахурских иранизмах» А. М. Асланов. Он выделяет в конвергенции, имевшейся в прошлом, в сношениях с ираноязычными племенами три контактных среза – скифско-дагестанский, пехлевийско-дагестанский и персидско-дагестанский [37, 147].

Во всех сферах лексики языка цахуров иранский пласт представлен настолько широко, что давал повод говорить о цахурско-иранском билингвизме [37, 148]. Цахурские иранизмы представляют собой названия конкретных предметов: частей тела; животных, птиц и насекомых; дома, строений и утвари; одежды и украшений; встречаются и наименования отвлеченных понятий: болезни человека, лекарства; от-

ношения между людьми; ономастика [37, 148-149]. Это также осетинско-цахурские параллели в мифологии, фольклоре, обычаях и обрядах (гадание по лопатке; память о нартах); особняком стоят осетинско-цахурские лексические схождения [37, 149-152].

Определенную трудность, естественно, представляет хронологизация таких заимствований. По мнению некоторых ученых, нельзя не понимать важность исследований «в области истории этнических связей североиранских (resp. аланских) и дагестанских племен на материале лексических фактов современного осетинского и дагестанских языков. Разработка лингвистической проблемы «Ossetica – Lezgica» может внести существенный вклад в дело изучения культурного прошлого этих народов» [35, 338].

Контактам вайнахских и осетинского языков посвящены работы Т. Б. Гониашивили и К. З. Чокаева; осетинского языка с абхазо-адыгскими – С. М. Басиевой, В. Н. Меремкулова); с дагестанскими языками – И. Х. Абдуллаева, К. Ш. Микаилова, А. М. Асланова, Ш. М. Саадиева; осетинского языка с азербайджанским – Т. М. Ахмедова, Н. Х. Мамедова, Г. Ворошила (Баку); с армянским – Э. Г. Туманяна, З. Р. Хубецовой и др.

Нельзя здесь не разделить мысль Андроникашвили о важности изучения зафиксированного материала как для истории кавказских языков, так и для иранистики вообще. В означенном аспекте необычайный интерес вызывает публикация Туманяна, заострившего внимание на тех проблемах ареальной лингвистики, которые выходят за пределы генетически родственной языковой семьи и связаны с древними историческими контактами, субстратом и взаимовлиянием разнотипных языков. Остановившись на характеристике индоевропейских языков кавказского ареала (армянском, осетинском, курдском), ученый перечислил те особенности, которые «не могут быть объяснены с позиций

индоевропеистики, так как они не свойственны и.е. языкам. <...> возникновение богатой системы аффрикат в армянском языке, некоторые особенности его грамматического строя, а также ряд лексических заимствований из окружающих языков кавказского ареала и мертвых языков Передней Азии. Особенно сильно влияние кавказского ареала проявляется в системе осетинского языка, именуемого <...> в армянских источниках (V в.) языком аланским», – заключает ученый [38, 47].

Значимость исследований, связанных с выявлением отношений кавказских языков не только друг с другом, но также и с другими семьями кавказского ареала, считает Туманян, определяет как пути и методику их ареального изучения, так и направления, выдвинутые им [38, 8]. Из них именно пятая – «выявление общего фонда заимствованных слов в разных языках из одного источника: например, определение иранизмов в ряде кавказских языков», – согласуется с нашей темой.

Перед ареальной лингвистикой, пишет Туманян, стоит задача как можно полнее вычленив материальные общности и совпадения, которые обнаруживают языки Кавказа, и определить, в каких случаях эти общности являются результатом заимствований, а в каких – итогом общности субстрата, т.е. изначальным [38, 48]. Для чего следует, по его мнению, «выявить ареалы древней локализации кавказских племен, установить характер контактов их между собой, время и длительность этих контактов» [38, 48-49].

Заметим, что ученые, фиксирующие слова иранского происхождения в кавказских языках, пишут о том, что они настолько сильно ассимилировались в них, что порою воспринимаются как исконные. Иранизмы неоднородны по степени употребительности. Часть из них входит в активный словарный запас, обозначая значимые для носителей языка реалии и понятия, другая же относится к пассивному словарю, и хотя они в настоящее время не употребляются

в повседневной обиходной речи, но их семантика знакома носителям языка.

Слова пассивного словаря встречаются в художественной и фольклорной речи в виде устаревших слов, имеющих синонимы, а также архаизмов и историзмов [39, 250]. Отдельный тип составляют стилистически окрашенные архаизмы, наблюдающиеся в поэтической речи; к примеру, иранские заимствования высокого стиля в лезгинском языке: *жаван* «молодой», *жумарт* «щедрый», *эрзиман* «желание», *гульубиан* «красивый» и др.

Наряду с отдельными словами, заимствовались и фразеологические единицы (ФЕ), в частности в лезгинском языке количество персидских ФЕ хоть и невелико, но они изменили порядок в построении атрибутивных конструкций (ср. в номинативных ФЕ: лезг. *гъевенг десте* < перс. *daste-ye hāvang* «пестик» (букв. ступы пестик).

Чаще всего среди фразеологических заимствований встречаются полузаимствования, или полукальки, которые образуют две большие группы: в первую автор включает номинативные ФЕ из именных частей речи, а многочисленная вторая группа включает глагольные фразеологизмы, состоящие из персидского имени и глагола из заимствующего лезгинского языка, причем калькироваться может как опорное, так и зависимое слово. Ср.: лезг., таб. аллагъдин *бенде* < перс. *bande-ye xodā* «раб божий», «человек» (букв. бога раб); лезг. *кафтър къари* < перс. *pir-e kaftār* «старый хрыч», «старая хрычовка» (букв. гиены старик/старуха) [39, 195].

Вызывают интерес труды прекрасного знатока фарси проф. И.Х. Абдуллаева по языковым контактам, в которых на материале межкавказских языковых схождений анализируются явления конвергенции; поднимаются вопросы особенностей возникновения ряда общностей в структурах языков Дагестана и Кавказа, межкавказского лексического фонда. Они иллюстрируются историко-этимологическим анализом значимых в культурно-и-

сторическом аспекте иранизмов в кавказских языках.

В статье «Материалы по алано-дагестанским языковым взаимоотношениям» автор пишет, что женские имена в авар., дарг., лак., агул. *Залму* и *Занни* (лак.) по происхождению этимологические дублиеты и обусловлены осет. *Зарин* (æ), букв. «золото, золотая»; в процессе адаптации появились формы *Залму* (< *Зарму < *Зарни < **Зарина*æ) в аварском и *Занни* (< *Зарни < **Зарина*æ) в лакском языке [40, 23].

Слово *куц* в дагестанских и нахских языках (ахвах. *кучи*, арчин. *кус*, *куц*, ингуш. *куст*, *куц*) в значении «облик», «форма» соотносится с осет. *хуыз/хуз* с семантикой «вид; образ; масть», имеющим иранскую этимологию и параллели в ряде индоевропейских языков. К осетинскому *фос/фонс* «скот» ученый возводит лак. *хъус* «имущество; богатство», оно соотносится с авар. *панз* (через хунзах. форму *гъанз*) «рогатый скот»; <...> Авар. *панз* (хунзах. *гъанз*), анд. (*боц/ло*) *панз*, цез., гинух. *посу* «скот; имущество», чечен. *гъос*, *гъонс*, ингуш. *фюос* «богатство; добыча» восходят также к осетинскому *фос/фонс* «скот»; и мн. др. [40, 23].

Абдуллаев подробно останавливается на фарсизмах, связанных с религиозными и культовыми понятиями, выделяя в их общей массе те, которые, по мнению ученого, не являются «арабо-мусульманскими»: авар. *awarag*, дарг. *idbag*, лакс. *idaws* «пророк». Этимомом для всех вариантов названий пророка в дагестанских языках является термин *idawag, который существовал в дагестанских языках еще в доисламскую эпоху. Древнейший религиозный термин, восходит к скифо-сармато-аланскому языковому миру, имеет семантику, которая и фонетически, и семантически отвечает осетинскому слову *dawæg* < *idawæg* [40, 197].

Известно, что культурно-исторический фон способствовал заимствованию лексических единиц алано-осетинского происхождения, а основанием служили интенсивные политические, экономические, идеологические, культурно-исторические

и пр. связи между древними дагестанскими народами и североиранскими степными племенами (скифы, сарматы, аланы), начиная с VII-VI вв. до н.э. – эпохи их появления на Северном Кавказе. Абдуллаев не исключает возможности проникновения данного термина в дагестанские языки задолго до появления христианства у алан – еще в III-IV вв., когда они достигли особого могущества и играли большую роль в исторических судьбах северокавказских народов, оказывая большое влияние на своих соседей. Об этом свидетельствует и археологический материал.

Следы иранизмов в межкавказском лексическом фонде слов, обязанных своим возникновением влиянию иранских языков, прослеживаются с древнейших времен, когда кавказские народы находились в интенсивных военных, политических, торгово-экономических и культурных связях с ахеменидским и сасанидским Ираном, причем продолжалось это и в последующие века, когда Иран стал мусульманской державой. Многие из этих иранизмов оказываются значительными в историко-культурном отношении словами и свидетельствуют о глубине языковых контактов и их влиянии на языки кавказских народов.

Из персидского языка издавна вошли в дагестанский обиход такие лексические единицы, как *рузман* «пятница», название верблюда: авар., лак *варани*, дарг. *валри*, лезг. *лавар*, андийск. *гварани*; из скифо-сарматского и аланского мира такие дагестанизмы, как авар. *авараг*, дарг. *идабаг*, лак. *идавс* «пророк»; авар. *чаран*, дарг. *шандан*, лак. *чаннан*, лезг. *гъилдан* (*гъулдан*) «сталь»; дарг. *гъаруш* «буза»; лак. *ссвак/а* «квартал» и производное от него *ссукулур* «группа мужчин на соболезновании» и др.

Среди кавказизмов-иранизмов обнаруживается ряд социальных терминов и связанных с ними личных имен, появившихся в кавказских языках на базе среднеиранского языка, или возникших на древнеиранской основе: *azna «благородный; известный; знатный»; ряд собственных имен

и нарицательных основ староосетинского (скифо-сармато-аланского) происхождения, пополнивших дагестанский именник; названия ряда музыкальных терминов; названия плодовых культур; названия напитков; и др.

Вызывает интерес вопрос квалификации многочисленных персидских, вообще иранских слов, проникших в лексику дагестанских языков через тюркское посредство и непосредственно, а также в лексику армянского и турецкого языков, что приводит к проблеме выделения среди многочисленных иранских слов тех элементов, которые были заимствованы дагестанскими языками через азербайджанское и кумыкское посредство. Это – термины полеводства, садоводства, бахчеводства (ср. *персик*: лезг. *шефтели* «персик», азерб. *шафталы* id., турец. *şeftali*, арм. *шафталу*); термины, связанные с сельским хозяйством; термины, обозначающие природные явления, местность (лак. *бугъаз* «место сбора воды; место, где скопилась вода»; азерб. *богъаз* «горло, горлышко (посуды); пролив»; турец. *воғаз* «пролив», арм. *богаз* «горло; пролив»); наименования диких животных и птиц (лак., ав. *жанавар* «зверь», лезг. *жанавур* «волк», лак. в речи пастухов *жанавар* «волк; зверь, опасный для овец»; заимствовано из азерб. яз., ср. *джанавар* 1) «волк», 2) перен. «хищник»; арм. *джанавар*, турец. *сапавар*; *попугай*: осет. *тутти*, лак. *ттукъуш*, лезг. *туьтуькъуш* – в обоих языках заимствовано из азерб. языка, который заимствовал < перс. *тутти* «попугай»; названия предметов домашнего обихода (крюк, крючок: турец. *çengel*, арм. *чангал*); названия продуктов питания, блюда (лак. *дурма* ~ *дулма* «долма, голубец»; авар. *долма*, дарг. *дурма*, лезг. *дулма*, кумык. *долма*, азерб. *долма* «голубцы», турец. мн.ч. *dolması*); военная лексика (лак. *аьскар* ~ *аьсккар*, лезг. таб. *эскер* «воин, боец, красноармеец»; «войско, армия»; авар. *аскар* < перс. *аскар* «воин, солдат»; «армия, войско»; лак. *къяма* «кинжал, сабля, нож», лезг. *къеме* «старый тупой нож», дарг. диал. *къямя* «тупой кинжал»;

азерб. *гама* «кинжал», турец. *ката* «нож» < *гама* «длинный прямой обоюдоострый кинжал»; также лексика других тематических групп. [41; 42; 24].

Во всех означенных тематических группах заимствований наблюдаются семантические сдвиги в их значениях; эти же лексико-семантические группы присутствуют и в армянском языке, и в турецком. Представленные в армянском, турецком и кавказских языках иранизмы подтверждаются этнолингвистическими факторами и характером взаимоотношений носителей этих языков.

Прав В. И. Абаев, предположивший, что «взаимодействие между иранской и кавказской языковыми средами было настолько тесным и интимным, что исчезал критерий «своего» и «чужого»» [43, 89]. Благодаря изысканиям ученого оказалось возможным определить генезис и историю «кавказизмов», пути исследования слов, входящих в состав общекавказского лексического фонда, историко-культурную общность и социокультурное пространство народов, населяющих Кавказ, и многое другое.

По мнению Абаева, сходные явления, «которые возникают между языками определенного ареала в результате длительного соседства и контактного развития», служат «единству и преемственности» общекавказской культуры, языковым свидетельствам сношений всех языков и народов, проживающих на Кавказе [44, 203].

В основе лежат не только интимные контакты, исторические особенности хозяйствования и культуры, близкие уровни социально-экономического развития, обитание в схожих естественно-географических условиях, но и пути международной торговли и обмена культурными ценностями, которые определили ареальную общность у этих народов, направление распространения языковых и культурных инноваций, ведь «ареальные изоглоссы, в отличие от субстратных явлений, не предполагают обязательно этнического смешения. Они

могут быть следствием чисто внешних контактов, если эти контакты достаточно длительны и интимны. Поскольку всякий контакт между языками есть вместе с тем контакт между народами, при разработке вопросов ареальной лингвистики, как и вопросов субстрата, история языка переплетается с историей народов», – напоминал ученый [44, 203].

По трудам Абаева («Осетинский язык и фольклор», «Историко-этимологический словарь осетинского языка» и др.) можно выявить количество лексических сходжений: осетинско (алано) – картвельских – свыше 1600, большинство из них – осетинско-грузинские: около 1100 [16, V, 372-393]; осетинско-сванских лексических сходжений, являющихся свидетельством старых свано-аланских культурных связей, – более 200 [45, 294-301]; алано-занских – около 240; алано-абхазо-адыгских – около 750 [16, 334-347]; алано-нахско-дагестанских – более 900 [16, V, 358-372]; осетинско (алано) – тюркских – около 1200 [16, V, 404-428]; алано-турецких – 65 лексических сходжений [16, 332, 404-427]; и т.д.

Как видим, на Кавказе существует щедрый материал по проблеме языковых контактов: взаимодействуют языки, отличные друг от друга по происхождению, разной типологии и различного уровня культурного и социального развития. Идея составления «Словаря лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия-Кавказ-Иран» работает одновременно и на этнические проблемы многонационального и многоязычного региона, потому что лексические факты и разъяснения широко иллюстрируются и подкрепляются реалиями: данными истории, этнографии, материальной культуры, хозяйства, быта, мировоззрения; широко привлекается и фольклор. К примеру, аланский субстрат мощно присутствует не только в языке, но и в этногенезе балкарцев и карачаевцев, а также в материальной и духовной культуре, топонимике, в домусульманских верованиях, общественном и семейном укладе,

фольклоре и др. [45; 46] Помимо выявленных у сванов, абхазов и осетин языковых и фольклорных параллелей, много общего и в религиозных празднествах, обрядах, обычаях, материальной культуре и социальных институтах; и эта этнографическая идентичность, по мнению ученых, вытекает из одинаковости природных условий, хозяйства, социального и культурного развития; ср.: «Множество характерных этнографических черт также сближает их между собой» [47, 307-308]. Следы старых алано-абхазских связей в речи и фольклоре, являвшихся результатом многовекового соседства, отложились в лексике взаимным обогащением лексическими элементами, причем «зачастую абхазо-осетинские сходжения слишком глубоки, чтобы их можно было свести к простому заимствованию. Они заставляют думать об общем местном субстрате. Таковы абх. *læg – ос. *læg*, абх. *rxəšna* –ос. *ræxys*, абх. *pənc'a* –ос. *fynz* и некоторые др.» [48, 317]. Наряду с лексическими изоглоссами, наблюдаются сходжения и в идеосемантике, а также абхазо-осетинские параллели в религиозно-мифологических представлениях и верованиях, обрядах и музыкальной культуре.

«Аланские заимствования проникли буквально во все слои дагестанской лексики, – замечает К. Ш. Микаилов. – Религиозная терминология, номенклатура родственных отношений, названия предметов быта, частей тела чел. и животных, металлов, явлений природы, названия растений и животных, пищевых продуктов, абстрактных понятий, глаголы, наречия и прилагательные – многие такого рода слова имеют в дагестанских языках осетинское происхождение. Не являются исключением в этом отношении и антропонимические системы дагестанских языков» [49, 133]. К примеру, имя главного персонажа нартовского эпоса *Урузмаг* в Аварии носят женщины, причем это имя и аллонимы его охватывают весь авароязычный ареал: *Урунзаг*, *Урузманг* и др.; осет. *малусæг* «подснеж-

ник» отложилось в лакском языке женским именем *Малсаг*; и т.д.

Более 120 иранизмов в лексике хваршинского языка. Ряд слов имеет свои прототипы в осетинском языке («цепь», «вид», «образ», «масть», «облик», «форма»; «божество», «пророк»); из иранских языков источником для части дагестанских лексем, в том числе хваршинских, послужил аварский язык [50, 212]. Персизмы проникали устным путем, через *живое общение*, в большинстве своем через посредство тюркских языков. Таким образом, лексика, заимствованная из персидского языка, включает в себя около 150 лексических единиц – наименований предметов быта, тканей и ряда других изделий; названия растительного и животного мира и т.д. [50, 214]

Иранизмы хваршинского языка свободно распределяются по тематическим группам: 1. Человечество и общество: обозначения людей по профессии, роду занятий, социальному положению, термины родства; лексика, выражающая духовное и физическое состояние. 2. Материальная и духовная культура: предметы быта, домашняя утварь; названия орудий труда и средств; одежда, предметы туалета, ткани, сырье; военное снаряжение; обозначения продуктов питания; названия строений и их частей; хозяйственно-экономические термины; музыкальная лексика; лексика, выражающая религиозные и другие понятия; лексика, связанная с болезнью и лекарствами. 3. Природа. 4. Животный мир. 5. *Varia*. 6. Личные имена: мужские; женские [50, 215-218].

Естественно, что приведенные данные еще раз подтверждают, что по материалам языка возможно выявление «существенных черт быта и культуры народа в прошлом», для чего достаточно лишь опереться на лексические сведения, подкрепляя свои мысли конкретными примерами. Заметим, что как-то академик Ахвледиани, изучая кавказские элементы в осетинском языке, заявил, что процесс этот имеет двусторонний характер, и сам грузинский сво-

ей спецификой, выделяющей его из всей иберийско-кавказской группы, обязан, в свою очередь, осетинскому языку [18]. К примеру, реальное историческое соседство и культурные связи мегрелов и осетин, восходящие к глубокой древности, служат основой для реальных лексических параллелей.

Обиходные слова-мегрелизмы *огонь, камень, жердь, столб, скамья, шерсть, серна, нос*, по мнению Абаева, «вряд ли могли попасть в осетинский как внешнее заимствование: настолько органично и глубоко входят в осетинский язык, без них так трудно мыслить язык как систему понятий, что их вернее будет отнести к тому кавказскому этноязыковому субстрату, на базе которого происходило формирование осетинского языка и народа» [51, 329]. Давно уже установлено, что культурные связи носителей кавказских языков и осетин, даже при отсутствии ареальных контактов, вылились в «культурное единство, преодолевающее историческое многоязычие», и что обусловлено было оно их внутренней жизнью; что иранские (в частности осетинский) языки являлись одним из традиционных конкретных источников заимствования для кавказских и тюркских языков Кавказа. Данный факт объясняют как скифо-сармато-аланским миром, интенсивными политическими, экономическими и прочими связями, влиянием и ролью алан в исторических судьбах народов Кавказа, так и эпохой иранских завоеваний, деятельностью иранских шахов и их походами на Кавказ.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым уделить пристальное внимание важнейшим проблемам предлагаемой исследовательской программы, суть которой сводится к следующему:

1. Анализируя труды отечественных ученых с позиций всеобщего восприятия лингвистических реалий древних и современных обитателей ареала Анатолия-Кавказ-Иран, мы обнаружили черты сходства и элементы общности в материальной и

духовной культуре этого обширного историко-географического пространства.

2. Проведенный в статье научно-критический обзор части работ по исследованию древнеиранского, в частности, алано-осетинского, лексического вклада в кавказские языки подтверждает необходимость в систематизации языковых данных о взаимопроникновении и взаимосвязях во всех сферах жизнедеятельности племен и народов рассматриваемого ареала.

3. Обобщенные в статье научные факты и лингвистические реалии, выявленные учеными в сфере материальной и духовной культуры племен и народов ареала Анатолия-Кавказ-Иран, являются неоспоримым показателем их изначальной культурной общности. Более того, реальной базой для

подготовки научным сообществом крайне актуального, социально важного и политически значимого академического издания – «Словаря лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия-Кавказ-Иран» с приложением Карты лексических изоглосс означенного этнокультурного ареала.

4. Необходимо добавить, что далеко не полный материал, ограниченный объемом статьи, наглядно иллюстрирует, что Кавказ – «одна» лингвистическая *«планета при множестве языков»*. В сравнении заложена глубокая мысль, которая может быть подтверждена глубинными структурами существующих языков, и она же может лечь в основу многих будущих серьезных исследований в этом направлении» (курсив наш. – Е. Б.) [52, 218].

---

1. *Абаев В. И.* Значение ареальных контактов в истории языка // Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. С. 287-293.

2. *Абаев В. И.* О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском языке // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 109-122.

3. *Бесолова Е. Б.* К проблеме создания «Сравнительной лексикологии кавказских языков» // Материалы III международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2013. С. 349-350.

4. *Климов Г. А.* Введение в кавказоведение. Махачкала, 2007. С. 200-210.

5. *Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.

6. *Эдельман Д. И.* К перспективам реконструкции общеиранского состояния // Вопросы языкознания. 1982. №1. С. 37-47.

7. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. С. 914-934.

8. *Техов Б. В.* Осетины – древний народ Кавказа. (Истоки. Культура. Этнос). Цхинвал: Ирыстон, 1993. С. 1-16.

9. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. М., 1980. 93 с.

10. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. 303 с.

11. *Миллер Всеволод.* Осетинские этюды. Часть 3. М., 1887 (с. 1-191). (Репринтное издание: Владикавказ, 1992. С. 495-689.)

12. *Гагкаев К. Е.* К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. 339 с.

13. *Андроникашвили М. К.* Иранские лексические элементы в грузинском // Труды Тбилисского государственного университета. 1964. Т. 108. С. 69-89.

14. *Дзагуров Г. А.* Программа для собирания материалов по осетинскому языку и устному народному творчеству народной словесности. Владикавказ, 1926. 10 с.

15. Абаев В. И. О некоторых осетинских элементах в грузинском языке // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. VI. С. 437-442.
16. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л., 1958. Т. I; Л.: Наука, 1973. Т. II; Л.: Наука, 1979. Т. III; Л.: Наука, 1989. Т. IV; М.: Наука, 1995. Т. V.
17. Ахвледиани Г. С. К вопросу осетинско-грузинских взаимоотношений // 2-я объединенная научная сессия Азербайджанского, Ереванского и Тбилисского университетов, посвященная 1500-летию Тбилиси (10-14 октября 1958 г.). Тбилиси: Изд-во Тбилисского государственного университета, 1958. С. 107-108.
18. Ахвледиани Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Изд-во Тбилисского государственного университета, 1960. Кн. I. 247 с.
19. Осетинско-русский словарь. Владикавказ: Ир, 1993. 539 с.
20. Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1967. С. 62-214.
21. Ваганов Арби. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Меридиани, 2011. 733 с.
22. Джигдалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М.: Наука, 1990. 248 с.
23. Лезгинско-русский словарь // Сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев. М.: Советская энциклопедия, 1966. 603 с.
24. Кумыкско-русский словарь // Сост. А. Г. Магомедов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
25. Климов Г. А. О лексике осетинского происхождения в сванском языке // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963. С. 180-186.
26. Цулая Г. В. О некоторых аланизмах в лексике мегрельского языка // Известия СО-НИИ. 1968. Т. XXVII. Языкознание. С. 32-39.
27. Абаев В. И. Осетино-вейнахские лексические параллели // Известия ЧИ НИИ истории, языка и литературы. 1959. Т. I. Вып. 2. Языкознание. С. 89-119.
28. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке/Ред. проф. В. И. Абаев. Нальчик: Нарт, 1965. 128 с.
29. Балкаров Б. Х. О некоторых особенностях взаимодействия неродственных языков // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 70-78.
30. Ломтатидзе К. В. К истории свистяще-шипящих сибилантов в протоадыгском // Сообщения АН Грузинской ССР. 1967. Т. 46. № 2. С. 535-542.
31. Шагиров А. К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 215 с.
32. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. В 2 ч. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1. 238 с.; Ч. 2. 561 с.
33. Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. 183 с.
34. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1966. С. 75-95.
35. Микаилов К. Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология 1970. М., 1972. С. 333-338.
36. Айтберов Т. Осетинские имена у аварцев XIV-XVII вв. (по дагестанским арабоязычным источникам) // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып. 1. С. 51-54.
37. Асланов А. М. О цахурских иранизмах // Материалы пятой региональной научной

сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 147-152.

38. Туманян Э. Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 47-55.

39. Эфендиев И. И. О месте иранизмов в лезгинском языке // Материалы международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения Арнольда Степановича Чикобава. Тбилиси: Картули эна, 1998. С. 250-252.

40. Абдуллаев И. Х. Материалы по алано-дагестанским языковым взаимоотношениям // Междагестанские и межкавказские языковые контакты. Историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования. Махачкала: АЛЕФ, 2015. С. 23-24.

41. Персидско-русский словарь / Сост. проф. Б. В. Миллер; С прил. граммот. очерка, сост. канд. филол. наук В. С. Расторгуевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 668 с.

42. Русско-турецкий словарь // Сост. В. Щербинин, Э. М.-Э. Мустафаев. М.: Русский язык, 1975. 456 с.

43. Абаев В. И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 9-94.

44. Абаев В. И. Язык и история // Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 197-217.

45. Абаев В. И. К характеристике современного осетинского языка // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 95-108.

46. Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. С. 127-134.

47. Абаев В. И. Поездка в Сванетию // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 291-308.

48. Абаев В. И. Поездка в Абхазию // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 309-322.

49. Микаилов К. Ш. Аланский вклад в аварскую антропонию // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 132-140.

50. Каримова Р. Ш., Халилов М. Ш. Заимствованная лексика в хваршинском языке. Махачкала: АЛЕФ, 2013. 336 с.

51. Абаев В. И. Мегрелизмы в осетинском // Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. Т. I. С. 323-330.

52. Тарланов З. К. Super omnia veritas: Из опыта оппонирования: Об актуальных вопросах русского и общего языкознания. Сборник отзывов и рецензий. Махачкала: ДНЦ РАН, 2012. 252 с.

Besolova, Elena B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; elenabesolova@mail.ru

ON «THE DICTIONARY OF THE COMMON LEXES OF ANATOLIA-CAUCASUS-IRANETHNOCULTURAL AREA».

Keywords: the Ossetian language, Caucasian languages, lexical community, the Armenian language, Iranian studies, the Turkish language, language area, contact zones, interlanguage atlas, isogloss, dictionary of convergences

The article actualizes the idea to create «The Dictionary of the common lexes of Anatolia-Caucasus-Iran ethnocultural area» which is necessitated by the accumulated linguistic data and ethnographic material that testify to the centuries-old ethnic and linguistic contacts of the specified area. The lexicon would confirm the assumption of V.I. Abaev, according to whom, despite its long-time linguistic diversity there was a single Caucasian ethnic culture in the indicated region. Each of the language families of the area, profoundly studied in many works of genetic, typological and areal nature, will contribute to systematization of the data revealed and cumulated during the XXth – early XXIst centuries. The Iranian-Caucasian similar elements will in practice confirm the significance of the so-called contact zones; determine the direction of borrowing, time, place and the real historical and ethnocultural background; clarify the comparative study of borrowings from similar substrate in the reviewed languages; justify new typology due to the interpenetration of starting systems. The proposed research opens another page in the study of the early medieval history of ethno-linguistic contacts of the language area of Anatolia-Caucasus-Iran.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Znachenije areal'nykh kontaktov v istorii yazyka* [The value of areal contacts in the history of language]. *Izbrannyye trudy*. T. 2. *Obshcheye i sravnitel'noye yazykoznanie* [Selected Works. Vol. 2. General and comparative linguistics]. Vladikavkaz, Ir, 1995, pp. 287-293.
2. Abaev, V.I. *O vzaimootnoshenii iranskogo i kavkazskogo elementa v osetinskom yazyke* [On the relationship of the Iranian and Caucasian element in the Ossetian language]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 109-122.
3. Besolova, E.B. *K probleme sozdaniya «Sravnitel'noy leksikologii kavkazskikh yazykov»* [Towards the problem of creating a «Comparative Lexicology of Caucasian Languages»]. *Materialy III mezhdunarodnogo kongressa kavkazovedov* [Materials of the III International Congress of Caucasian Studies]. Tbilisi, 2013, pp. 349-350.
4. Klimov, G.A. *Vvedeniye v kavkazovedeniye* [Introduction to Caucasian Studies]. Makhachkala, 2007, pp. 200-210.
5. Edelman, D.I. *Iranskiye i slavyanskiye yazyki: Istoricheskiye otnosheniya* [Iranian and Slavic languages: Historical relations]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2002. 230 p.
6. Edelman, D.I. *K perspektivam rekonstruktsii obshcheiranskogo sostoyaniya* [On the prospects of reconstruction of the general Iranian state]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1982, no. 1, pp. 37-47.
7. Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. Vs. *Indoeyevropeyskiy yazyk i indoevropyetsy. V 2 t.* [Indo-European language and Indo-Europeans. In 2 vols]. Tbilisi, Tbilisi State University, 1984, pp. 914-934.
8. Tekhov, B. V. *Osetiny – drevniy narod Kavkaza. (Istoki. Kul'tura. Etnos)* [Ossetians are an ancient people of the Caucasus. (Origins. Culture. Ethnicity)]. Tskhinval, Iryston, 1993, pp. 1-16.
9. Tekhov, B. V. *Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII-VI vv. do n.e.* [Scythians and the Central Caucasus in the VII-VI centuries BC]. Moscow, 1980. 93 p.
10. Kuznetsov, V. A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of the Alans]. Ordzhonikidze, 1984. 303 p.
11. Miller, Vs. *Osetinskiye etyudy* [Ossetian etudes]. Moscow, 1887, part 3, pp. 1-191. (Reprint edition: Vladikavkaz, 1992, pp. 495-689.)
12. Gagkayev, K. Ye. *K probleme substrata* [To the problem of substrate]. *Proiskhozhdeniye osetinskogo naroda* [Origin of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, 1967. 339 p.
13. Andronikashvili, M. K. *Iranskiye leksicheskiye elementy v gruzinskom* [Iranian Lexical Elements in Georgian]. *Trudy Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Tbilisi State University]. 1964, vol. 108, pp. 69-89.

14. Dzagurov, G. A. *Programma dlya sobiraniya materialov po osetinskomu yazyku i ustnomu narodnomu tvorchestvu narodnoy slovesnosti* [The program for collecting materials on the Ossetian language and oral folk art of folk literature]. Vladikavkaz, 1926. 10 p.
15. Abaev, V. I. *O nekotorykh osetinskikh elementakh v gruzinskom yazyke* [About some Ossetian elements in the Georgian language]. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1956, vol. VI, pp. 437-442.
16. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow – Leningrad, 1958, vol. I; Leningrad, Nauka, 1973, vol. II; Leningrad, Nauka, 1979, vol. III; Leningrad, Nauka, 1989, vol. IV; Moscow, Nauka, 1995, vol. V.
17. Akhvlediani, G. S. *K voprosu osetinsko-gruzinskikh vzaimootnosheniy* [On the issue of Ossetian-Georgian relations]. *2-ya ob»yedinennaya nauchnaya sessiya Azerbaydzhanskogo, Yerevanskogo i Tbilisskogo universitetov, posvyashchennaya 1500-letiyu Tbilisi (10-14 oktyabrya 1958 g.)* [2nd Joint Scientific Session of Azerbaijan, Yerevan and Tbilisi Universities, dedicated to the 1500th anniversary of Tbilisi (October 10-14, 1958)]. Tbilisi, Tbilisi State University, 1958, pp. 107-108.
18. Akhvlediani, G. S. *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku* [Collection of selected works on the Ossetian language]. Tbilisi, Tbilisi State University, 1960, book 1. 247 p.
19. *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Vladikavkaz, Ir, 1993. 539 p.
20. Gaydarov, R. I. *Leksika lezginskogo yazyka* [Lezgin language vocabulary]. Makhachkala, 1967, pp. 62-214.
21. Vagapov, A. *Etimologicheskii slovar' chechenskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chechen language]. Tbilisi, Meridiani, 2011. 733 p.
22. Dzhidalayev, N. S. *Tyurkizmy v dagestanskikh yazykakh: Opyt istoriko-etimologicheskogo analiza* [Turkisms in Dagestan languages: Experience of historical and etymological analysis]. Moscow, Nauka, 1990. 248 p.
23. Talibov, B. B., Gadzhiyev, M. M. (comps) *Lezginsko-russkiy slovar'* [Lezgin-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 603 p.
24. Magomedov, A. G. (comp). *Kumyksko-russkiy slovar'* [Kumyk-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1969. 408 p.
25. Klimov, G. A. *O leksike osetinskogo proiskhozhdeniya v svanskom yazyke* [On vocabulary of Ossetian origin in the Svan language]. *Etimologiya: Issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymology: Studies in Russian and other languages]. Moscow, 1963, pp. 180-186.
26. Tsulaya, G. V. *O nekotorykh alanizmax v leksike megrel'skogo yazyka* [On some Alanisms in the vocabulary of the Mingrelian language]. *Izvestiya SONII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1968, vol. XXVII. Linguistics, pp. 32-39.
27. Abaev, V. I. *Osetino-veynakhskiye leksicheskiye paralleli* [Ossetian-Veinakh lexical parallels]. *Izvestiya ChI NII istorii, yazyka i literatury* [Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature]. 1959, vol. I, iss. 2. Linguistics, pp. 89-119.
28. Balkarov, B. Kh. *Adygskiy elementy v osetinskom yazyke. Red. prof. V. I. Abaev* [Adyghean elements in the Ossetian language. Ed. by prof. V. Abaev]. Nalchik, Nart, 1965. 128 p.
29. Balkarov, B. Kh. *O nekotorykh osobennostyakh vzaimodeystviya nerodstvennykh yazykov* [On some features of the interaction of unrelated languages]. *Materialy pyatoy regional'noy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth regional scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, 1977, pp. 70-78.

30. Lomtadidze, K. V. *K istorii svistyashche-shipyashchikh sibilyantov v protoadygskom* [On the history of whistling-hissing sibilants in the proto-Adyghean]. *Soobshcheniya AN Gruzinskoy SSR* [Reports of Georgian SSR Academy of Sciences]. 1967, vol. 46, no. 2, pp. 535-542.
31. Shagirov, A. K. *Ocherki po sravnitel'noy leksikologii adygskikh yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghean languages]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1962. 215 p.
32. Tsagayeva, A. Dz. *Toponimiya Severnoy Osetii. V 2 ch.* [Toponymy of North Ossetia. In 2 parts]. Ordzhonikidze, 1971, part 1. 238 p.; part 2. 561 p.
33. Kokov, Dzh. N. *Kabardinskiye geograficheskiye nazvaniya* [Kabardian geographical names]. Nalchik, 1966. 183 p.
34. Vinogradov, V. B., Chokayev, K. Z. *Iranskiye elementy v toponimii i gidronimii Checheno-Ingushetii* [Iranian elements in toponymy and hydronymy of Chechen-Ingushetia]. *Sbornik statey i materialov po voprosam nakhsogo yazykoznaniya* [Collection of articles and materials on the issues of Nakh linguistics]. Groznyy, 1966, pp. 75-95.
35. Mikailov K. Sh. *Yeshche neskol'ko dagestanskikh alanizmov* [A few more Dagestan Alanisms]. *Etimologiya 1970* [Etymology 1970]. Moscow, 1972, pp. 333-338.
36. Aytberov, T. *Osetinskiye imena u avartsev XIV-XVII vv. (po dagestanskim araboyazychnym istochnikam)* [Ossetian names among the Avars of the XIV-XVII centuries (according to Dagestan Arabic-language sources)]. *Problemy osetinskogo yazykoznaniya* [Problems of Ossetian linguistics]. Ordzhonikidze, 1984, iss. 1, pp. 51-54.
37. Aslanov, A. M. *O tsakhurskikh iranizmax* [On Tsakhur Iranisms]. *Materialy pyatoy regional'noy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth regional scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, 1977, pp. 147-152.
38. Tumanyan, E. G. *Ob armyano-alanskikh istoriko-lingvisticheskikh svyazyakh* [About the Armenian-Alanian historical-linguistic ties]. *Materialy pyatoy regional'noy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth regional scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, 1977, pp. 47-55.
39. Efendiev, I. I. *O meste iranizmov v lezginском yazyke* [On the place of Iranisms in the Lezgin language]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Arnol'da Stepanovicha Chikobava* [Materials of the International symposium on the Arnold Chikobava's 100th anniversary]. Tbilisi, Kartuli ena, 1998, pp. 250-252.
40. Abdullaev, I. Kh. *Materialy po alano-dagestanskim yazykovym vzaimootnosheniyam* [Materials on Alan-Dagestan language relations]. *Mezhdagestanskije i mezhkavkazskie yazykovye kontakty. Istoriko-etimologicheskiye, areal'nyye i onomasticheskiye issledovaniya* [Inter-Dagestan and inter-Caucasian language contacts. Historical and etymological, areal and onomastic studies]. Makhachkala, ALEF, 2015, pp. 23-24.
41. Miller, B. V. (comp.) *Persidsko-russkiy slovar'. 2-e izd., ispr. i dop.* [Persian-Russian Dictionary. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovary, 1953. 668 p.
42. Shcherbinin, V., Mustafaev, E. M.-E. (comps) *Russko-turetskiy slovar'* [Russian-Turkish dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk, 1975. 456 p.
43. Abaev, V. I. *Proiskhozhdeniye i kul'turnoye proshloye osetin po dannym yazyka* [The origin and the cultural past of Ossetians according to the language]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 9-94.
44. Abaev, V. I. *Yazyk i istoriya* [Language and history]. *Izbrannyye trudy. T. 2. Obshcheye i sravnitel'noye yazykoznaniye* [Selected Works. Vol. 2. General and comparative linguistics]. Vladikavkaz, Ir, 1995, pp. 197-217.

45. Abaev, V.I. *K kharakteristike sovremennogo osetinskogo yazyka* [Towards the characteristic of the modern Ossetian language]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 95-108.

46. Abaev, V.I. *Ob alanskom substrate v balkaro-karachayevskom yazyke* [About the Alanian substrate in the Balkar-Karachai language]. *O proiskhozhdenii balkartsev i karachayevtsev: Materialy nauchnoy sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachayevskogo narodov (22-26 iyunya 1959 g.)* [On the origin of the Balkars and Karachais: Materials of a scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples (June 22-26, 1959)]. Nalchik, 1960, pp. 127-134.

47. Abaev, V.I. *Poyezdka v Svanetiyu* [A trip to Svaneti]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 291-308.

48. Abaev, V.I. *Poyezdka v Abkhaziyu* [A trip to Abkhazia]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 309-322.

49. Mikailov, K. Sh. *Alanskiy vklad v avarskuyu antroponimiyu* [Alanian contribution to Avar anthroponymy]. *Materialy pyatoy regional'noy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth regional scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, 1977, pp. 132-140.

50. Karimova, R. Sh., Khalilov M. Sh. *Zaimstvovannaya leksika v khvarshinskom yazyke* [Borrowed vocabulary in Hvarshin language]. Makhachkala, ALEF, 2013. 336 p.

51. Abaev, V.I. *Megrelizmy v osetinskom* [Megrelisms in Ossetian]. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow – Leningrad, 1949, vol. I, pp. 323-330.

52. Tarlanov, Z. K. *Super omnia verias: Iz opyta opponirovaniya: Ob aktual'nykh voprosakh russkogo i obshchego yazykoznaniya Sbornik otzyvov i retsenziy* [Super omnia verias: From the experience of opposition: On current issues of Russian and general linguistics. Collection of reviews]. Makhachkala, Dagestan Scientific Centre of RAS, 2012. 252 p.